

— Нельзя, — Сюэ Я немного подумал и покачал головой: — Брат говорил, что нельзя позволять кому попало целовать себя.

Чу Минчжоу цокнул языком: — Разве я какой-то посторонний?

Они были знакомы уже три дня, к тому же присмотр за мальчиком поручил опекун — с какой стати он посторонний?

Чу Минчжоу мягко и убедительно заговорил: — Разве Чэнь Миншэн перед входом в подземелье не велел тебе держаться рядом со мной и во всём слушаться?... Но разве ты слушался? — Он протянул палец и принялся бессовестно перечислять: — В первый день я предлагал тебе поселиться в одной комнате со мной, ты отказался — ну ладно, проехали.

На второй день я хотел покормить тебя, а ты еще и нос воротил, отказывался есть морковку — вот выйдем отсюда, я все твоему брату расскажу... На третий день —

Чу Минчжоу внезапно замолк.

Кто-то крепко ухватил его за палец, словно боясь, что он продолжит говорить. Мягкое, нежное прикосновение снова и снова тяжело ложилось на его чуть грубоватые кончики пальцев. В какой-то момент он невольно согнул палец, и тот скользнул прямо в приоткрытые губы, коснувшись влажной слюны.

Немного погодя Сюэ Я отпустил его и тихо спросил: — Можно уже?

— Что? — Чу Минчжоу посмотрел на порозовевший носик юноши и еще не до конца пришел в себя.

— Я поцеловал тебя много раз, кажется... раз сто. — Сюэ Я даже не считал и выпалтай первое попавшееся число. — Так что тебе нельзя рассказывать брату, что я перебираю едой.

Это было донельзя хлопотно. Сюэ Я с досадой подумал, что если старший брат узнает, что он снова перебирает едой, то в ближайшее время ему наверняка снова придется каждый день сидеть у него на коленях, пока тот кормит его с ложечки... Он ведь действительно терпеть не может морковь.

Поэтому, чтобы этот выглядящий столь взрослым мужчина, который на поверку оказался настоящим ябедой, не стал ни на что жаловаться, Сюэ Я оставалось лишь пойти на компромисс и поцеловать его.

Хотя он и не знал, что Чу Минчжоу вовсе не просил целовать его руку.

Он хотел отведать его губ.

Видя, что Чу Минчжоу молчит, Сюэ Я еще раз ласково и вежливо поинтересовался:

— Можно уже, братец?

Это тоже была его привычка: когда он о чем-то просил, то, сам того не осознавая, переходил на угодливый, звонкий тон.

Сюэ Я, который ненавидел лишние хлопоты, заметил, что этот трюк всегда безотказно работал: казалось, абсолютно все вокруг так и норовили стать его старшими братьями, и даже вечно надутый и неприступный с виду Чу Минчжоу, судя по всему, был от этого в восторге.

Потому что, стоило Сюэ Я договорить, как Чу Минчжоу тут же согласился:

— ...Можно.

— Спасибо тебе, — искренне произнес Сюэ Я.

Ночью этот жилой дом погружался в тишину, такую глубокую, будто в нем вовсе не было жильцов. Игроки из Подземелья расположились на третьем этаже: по одному человеку в комнате, всего по четыре с каждой стороны коридора. Сюэ Я занимал самую крайнюю комнату в самом конце.

Хотя лампа на лестничной площадке между вторым и третьим этажами перегорела, ступени под ногами все же можно было кое-как разглядеть. Сюэ Я сначала шел впереди на одну ступеньку, но когда они добрались сюда, Чу Минчжоу под благовидным предлогом — якобы боясь, что тот оступится — наотрез отказался отпускать его руку и повел за собой. — Будь аккуратнее. — Верхняя половина туловища Чу Минчжоу скрывалась в темноте; его пальцы впились в межпальцевые промежутки парня, сжав руку намертво, но слова звучал неприятно: — Если сейчас упадешь, опять реветь начнешь... да только возиться с тобой некому.

Чу Минчжоу и сам не понимал, что с ним творится. Будто наевшись доверху забитой сахарной ватой комнаты, он чувствовал, как сердце томит приторная сладость, в ушах стоял легкий зудящий гул, а страннее всего было то, как кончики пальцев, которых только что так целомудренно коснулись губы, все еще хранили неотступную мягкость того прикосновения, грозящую передаться даже мозгу.

Но мужчины до самой смерти не признают своей неправоты.

Бросив мрачную, бессердечную фразу и дойдя до двери комнаты, он уже собирался оставить хрупкого с виду парня в покое, но стоило тому взяться за ручку, как какая-то внезапная волна импульса заставила его окликнуть Сюэ Я.

— М? — Сюэ Я обернулся к нему.

При тусклом свете он казался белым, как снег, а его кожа обладала почти прозрачной текстурой; весь он выглядел невероятно тихим и красивым.

— Ты... черт, — Чу Минчжоу раздраженно взъерошил волосы и не удержался, снова заговорив: — Не хочешь лечь со мной в одной комнате? Я могу...

— Не нужно, — Сюэ Я улыбнулся, мягко помахал ему на прощание и тихо сказал: — Так будет неудобно, не стану беспокоить братика.

Сюэ Я вошел в комнату.

Действительно, не слишком удобно.

В противном случае — и новичок Сюэ Я, впервые попавший в подземелье, прекрасно это понимал — следуя за игроком уровня 3А в этом низкоуровневом Мир Е-ранга, он мог бы с закрытыми глазами дойти до конца, не боясь, что ночью какая-нибудь запретная условность привлечет стук странных жильцов в дверь.

Однако.

В темноте этой комнаты, помимо него, раздавалось еще одно дыхание.

Сюэ Я слегка опустил ресницы. Он только вошел и даже не успел включить свет, как существо, затаившееся в помещении, метнулось к нему с ловкостью гепарда, окруженное шквалом разбитого ветра. Мощный толчок сбил его с ног прямо на пол, но ожидаемой боли не последовало: когда его затылок уже почти соприкоснулся с керамической плиткой, придавивший его зверь успел подложить под голову руку.

Внезапное чувство невесомости затуманило сознание Сюэ Я, и ему потребовалось немало времени, чтобы прийти в себя.

Два дыхания переплелись в тесном объятии.

— Слезай, — с покрасневшими глазами произнес Сюэ Я.

Монстр был огромным и тяжелым — размером с взрослого человека, — он всей своей тяжестью давил на хрупкое, тонкое тело оказавшегося внизу парня. В темноте Сюэ Я встретился взглядом с этим существом: в фосфоресцирующих зеленом звериных вертикальных зрачках отчетливо отражалось его собственное лицо.

— Быстрее слезай, — Сюэ Я слабо пихнул его ногой. За сегодняшний день он наговорил больше слов, чем обычно, из-за чего в его голосе слышался дрожащий плачущий оттенок: — Ты такой тяжелый. Тот существо не послушалось его, а вместо этого опустило голову и прильнуло к его шее, втягивая воздух то тут, то там. Его чересчур обжигающее дыхание обдало нежную кожу человека, лежащего под ним, окрашивая её в розоватый цвет, словно свирепый зверь, осматривающий свои владения.

— Ссс!..

Уловив странный, необычный запах, жуткие вертикальные зрачки в мгновение ока стали свирепыми, а острые зубы демонстративно обнажились под непрекращающееся урчание существа. Это был инстинкт зверя: он объявлял войну чужеродному запаху, оставшемуся на теле Сюэ Я.

— ...Не надо!

Влажная и холодная слюна вслед за чересчур длинным языком непрерывно покрывала лицо и шею Сюэ Я, а на хрупких ключицах даже скопилась небольшая лужица тягучей слизи. Позже, посчитав этого недостаточно, излишне проворный язык вновь зашевелился, беспокойно норовя проскользнуть внутрь через воротник широкой футболки, но едва язык приоткрыл крошечную щёлочку, как движение замерло.

Сюэ Я заплакал.

Монстр не видел слёз, потому что Сюэ Я закрыл лицо руками ещё тогда, когда тот его облизывал, однако он услышал всхлипывания, доносящиеся из-за пальцев. Тонкий, тихий, похожий на сдавленные до предела рыдания плач отчетливо раздавался в тишине. Столь жалкие и обрывистые всхлипывания в сочетании с хрупким, дрожащим под монстром юношей заставили даже мощное чудовище, нависшее над ним в темноте, не сметь предпринимать никаких резких движений.

Спустя мгновение Сюэ Я почувствовал, что давившее на него существо отстранилось.

Сюэ Я не вздохнул с облегчением и даже не шевельнулся, и действительно — вскоре чья-то колючая, покрытая жесткой щетиной макушка снова ткнулась ему в шею, издавая обиженное, похожее на ласковое урчание животного хныканье.

Среди потока бессмысленных звуков Сюэ Я даже смог расслышать одно относительно членораздельное слово:

— Я.

— ...Сюэ Я разжал руки, закрывавшие глаза, и моргая явил миру пару черных, блестящих глаз, увлажненных слезами. Его носик тоже покраснел, а губы выглядели донельзя яркими — монстр посчитал это место очень сладким и наведывался сюда целых несколько раз. Во время этих визитов тварь даже пыталась просунуть язык внутрь и облизать их, но, к счастью, Сюэ Я крепко сжимал губы, не позволяя ей добиться успеха.

— Я не *у*, — обхватив руками большую непоседливую голову, которая толкалась и тыкалась во все стороны, отчего ее шерсть на ощупь казалась отвратительной, поправил Сюэ Я. — Я *daddy*... Вставай, помоги *daddy* включить свет.

Он знал, что монстр его понимает.

Когда старая желтая потолочная лампа зажглась, с треском и искрами промелькнули разряды электричества. Сюэ Я сначала зажмурился, привыкая к свету, и лишь спустя мгновение медленно открыл глаза, увидев послушно примостившегося рядом с ним монстра. Хотя его и называли монстром, внешне он уже по большей части походил на человека. Черты его лица были глубокими, а брови — густыми. Сюэ Я потрогал их: они оказались жесткими, такими же жесткими, как и его волосы. Переносица у монстра тоже была высокой, прямой, как небольшая

гора, а линия челюсти — плавной. Если бы он был человеком, Сюэ Я подумал бы, что это тот самый тип очень красивых мужчин.

Жаль только, что он, похоже, навсегда останется лишь красивым песиком Сюэ Я.

Который умеет только вилять хвостом, пускать слюни, понуро опускать брови и глаза и с надеждой пялиться на него.

— Дэдди, — послушно произнес песик.

Монстр обнаружился в постели Сюэ Я в первый же день, когда тот вошел в игру. Сначала это было просто яйцо — очень уродливое, черное как смоль, во всех смыслах похожее на угольный комочек, к тому же такое, что любило повсюду кататься.

Увидев его, Сюэ Я смертельно перепугался. Ведь он впервые попал в подземелье Сон на тысячу ли, и на любые странности у него была одна реакция — бежать за помощью к надежным людям.

Однако, когда Сюэ Я уже собирался повернуть дверную ручку, яйцо заметило его, с гулким стуком соскочило с кровати, подкатилось к ногам Сюэ Я и принялось тереться о них, такое же радостное, как головастик, нашедший маму.

Выглядело оно очень мило.

И тогда Сюэ Я, словно одержимый, принялся растить яйцо в страшном подземелье.

Конечно, практика показала, что яйцо в подземелье никоим образом не могло быть обычным.

Яйцо росло быстро. На второй день Сюэ Я испугался внезапно появившегося в постели юноши — совершенно голого, который все время терся о него, а на третий день подросток лет шестнадцати-семнадцати превратился в сегодняшнюю большую собаку.

А... что насчет завтрашнего дня?

Сюэ Я еще не успел додумать эту мысль, как движение в его объятиях вернуло его к реальности. Монстр, который уже долго вилял хвостом в стороне, так и не добившись внимания Сюэ Я, явно снова рассердился, с недовольным мычанием сам задрал край одежды и засунул туда голову.

В первую ночь, стремясь высидеть яйцо, Сюэ Я на основе скудных знаний придумал метод высиживания по-куриному: он спрятал яйцо в свою одежду, и в конце концов оно успешно вылупилось.

Этот способ оказался очень действенным и чрезвычайно эффективным, но побочным эффектом стало то, что каждый раз, когда Сюэ Я переставал обращать на него внимание, взлелеянное им существо с жалобным плачем заползало обратно в свое маленькое гнездышко.

Раньше, когда маленький монстр был очень милым, Сюэ Я испытывал укор совести и обнимал его через одежду, но теперь...

— Ванван, — нахмурившись, позвал Сюэ Я и, испытывая сильный дискомфорт, прижал руками одежду на груди, пытаясь остановить покалывающую голову, которая так и норовила пролезть выше. Обращаясь к существу, превосходящему его по размерам в два раза, он грозным тоном

произнес: — Будешь баловаться — отшлепаю.

Сюз Я намеревался запугать его, чтобы тот вылез из его одежды, но он никак не ожидал, что существо, припавшее к его груди, после этих слов на секунду замолчит, а затем его хвост вдруг замахает еще веселее.

К тому же оно невнятно, словно учась говорить, медленно повторило:

— Дэдди меня отшлепает.

<http://bllate.org/book/20952/2124359>